

БЕНЕФИС ШЕСТИСОТ

Независимая мн. - 1001 - 16 апр. - 47.

В Большом театре прошел вечер в честь работников мастерских и постановочной части

Михаил Жирмунский

ПОРЯДКА 300 человек работает в художественно-постановочной части Большого и занято монтажной декораций, установкой света, проведением репетиций, обеспечением техники безопасности... Примерно столько же сотрудников 71 специальности в художественно-производственных мастерских — «уникальном комбинате, на котором создается сценическое оформление спектакля». В их честь и провели «бенефис» (раньше это слово указывало на цель сборов) из оперы Рахманинова «Франческа да Римини» и 2-го акта «Спартак» Хачатуряна с участием лучших солистов. Переключенным на оформительско-постановочную силу Большого вниманием продукция театра воспринималась более значительно. А когда в антракте раскрылся занавес и на глазах публики отвозили башни на колесиках, разбирали помосты и основанные на полых каркасах детали интерьера, подумалось: вот она, еще живая романтика театра. Творческий уровень Большого падает, но традиция шикарного сценического действия, видимо, покинет его стены последней. Это под-

тверждает и единственная художественно сильная акция Большого в юбилейный сезон — выставка в Манеже декораций и костюмов, нетлеющей части большого духа.

«Спартак» в плане постановочных эффектов аскетичен: обстановку меняют попеременно опускающиеся задники с нарочито условной живописью Симона Вирсаладзе в актуальной для 60–70-х манере. Самый выразительный штрих оформления — прозрачный черный покров, раскинутый над сценой и периодически обрушивающийся вниз, как удар судьбы. Шедевр начала «застоя» по-прежнему производит впечатление цельностью своей эстетики, а новое поколение танцоров придает своим героям современные качества: не по возрасту решительная девочка Фригия (Элина Пальшина), спортивно-холодная длинноногая Эгина (Мария Аллах). Сдержанная пластика Дмитрия Белоголовцева наводит на мысль о незаурядном интеллекте вождя воставших рабов.

«Франческа да Римини» сочинена и поставлена Рахманиновым ровно сто лет назад в период его недолгого пребывания главным дирижером Большого. В нынешнем спектакле Бориса Покровского соединены в единый призрачный мир «второй круг» дантова

Ада и быт богатой обстановки ренессансного дома, где чтение рыцарского романа и подтолкнуло героев к наказуемой любви. Яркие пурпур, охра и лазурь — в пятнах костюмов, разложенных драпировках. Польшают тряпичное пламя «крута ада» на заднике; умершие души под мрамор скульптуры, застывшие живые композиции светских сюжетов: мучения святой, исповедь у кардинала, отрубание головы, — особенно стража сияет яркими костюмами; металлоподобные башни с ранних итальянских икон; подсвеченный «дым» клубами и свет из пола, от которого «вспыхивает» хитон Данте... Решение художников Сергея и Татьяны Бархиных воплощали работники многих цехов театра. В центральной роли Ланчотто блистал Сергей Мурзаев, только что прибывший с премьеры «Макбета» у Валерия Гергиева. Павел Соколкин за дирижерским пультом — знаковая фигура в картине разложения оперы Большого. Всегда «недоговаривающий» оркестр, явный жест полуспящего человека, вызывающий лишь поверхностную «рябь» вместо углубленной проработки оркестровой фактуры, — таков почерк дирижера, в чьих руках сегодня сосредоточен практически весь русский репертуар. ■